

УДК 340

DOI: 10.17223/22253513/21/6

А.А. Исаева

ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ СОВЕСТИ: ЗАРУБЕЖНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И РОССИЙСКИЕ РЕАЛИИ

В статье выделяются современные тенденции государственно-церковных отношений, а также отдельные направления и формы ограничений свободы совести в России и зарубежных странах. Автором рассмотрен вопрос о юридических препятствиях в отношении создания и деятельности религиозных объединений¹. При этом делается попытка их классификации в группы. В качестве одной из них выделяются государственные ограничения регистрации церковных структур и получения ими статуса юридического лица. В этом контексте проводится критический анализ изменений российского законодательства, регулирующего статус религиозных объединений, внесенных в 2015 г.

Ключевые слова: свобода совести, светское государство, религиозные организации, конфессиональная политика, государственные ограничения.

Все возможные конфигурации взаимоотношений публичной власти и религиозных структур можно рассматривать в спектре от их слияния и государственной поддержки религии (например, теократические и клерикальные страны) через позицию государственного нейтралитета до негативной идентификации религии со стороны государства (например, в случае преследований верующих или запрета религии). Различные положения вдоль этого спектра можно рассматривать как идеальные модели, которые на практике государственного строительства, в конкретных исторических условиях могут в той или иной степени отходить от теоретической концепции. В то же время подобная модель может быть использована для отображения не только текущей позиции различных стран, но и для прогнозирования развития дальнейшей ситуации в них. Например, сегодня основные конституционные дебаты в Соединенных Штатах Америки сосредоточены в диапазоне от отделения церкви от государства до согласования их интересов [1. Р. 1–4; 2; 3]. В других странах спектр дискуссий зачастую гораздо шире. Так, большинство государств склоняется к нейтральной средней позиции и светскому характеру отношений между властными и религиозными структурами. При этом действительная реализация такой политики в каждом конкретном случае может сильно различаться. Представляется, что в таких странах не должно быть водораздела между государством и религиозными объединениями. А публичная

¹ В силу того, что в правовых системах государств мира применительно к организационным формам отправления культа используются различные термины (англ. «religious association», «religious organization», «religious society» и пр.), в данной работе такие понятия, как религиозные организации, общества, объединения, сообщества и пр., будут использоваться в том смысле, как они указываются в законодательстве соответствующих стран, если специально не оговорено иное. Однако как наиболее общий по своему содержанию в настоящей работе будет использоваться термин «религиозные объединения».

власть должна действовать как нейтральный и беспристрастный организатор исповедания различных религий, верований и убеждений.

Примеры же крайних позиций довольно редки. Так, Ватикан или Иран, теократические государства, а Албания в период расцвета атеистического режима – примеры негативной идентификации религии со стороны государства. Конституция Судана 1999 г. приближается к этому типу государственно-конфессиональных отношений, так как стремится подчинить публичную власть божественному превосходству. Однако эта страна несколько более открыта, а конституция признавала, что христианство и другие традиционные религии имеют немало последователей, отмечая при этом, что ислам является религией большинства населения. В этом смысле Судан имеет сходство с моделью «одобряемой государством религии», которая является менее эксклюзивной.

В некоторых странах установлена государственная (официальная) религия или религиозное объединение. Хотя на практике в них зачастую существует режим терпимого отношения и к другим вероисповеданиям. Например, в Греции реализуется политика, наиболее тесно связанная с режимом официально установленной религии. Однако тот факт, что используемая в ч. 1 ст. 3 Конституции 1975 г. формулировка предусматривает, что господствующей в этой стране является религия восточно-православной Церкви Христовой, отражает несколько иной подход, отличный от модели государственной религии. Термин «господствующая» позволяет оставить конституционное пространство открытым для других религий, хотя они, несомненно, не могут пользоваться многими привилегиями православной церкви. При этом возможно и прямое установление официальной религии. Так, согласно ранее действовавшей Конституции Непала 1990 г. эта страна официально признавалась индуистским королевством (ч. 1 ст. 4). В названиях некоторых стран прямо указано, что они мусульманские, например, Исламская Республика Афганистан, Исламская Республика Мавритания.

Несмотря на такое разнообразие в построении государственно-конфессиональных отношений в различных странах мира, можно выделить ряд глобальных закономерностей в развитии системы человек–государство–церковь.

Во-первых, многие юристы и социологи говорят о возрождении религии в современном мире, расширении возможных сфер влияния и признании со стороны государства всех ее прав [4; 5. С. 1–2; 6]. Однако возрождение это происходит под контролем государства. То есть это некое «соглашение», когда религиозные институты не требуют главенства в государстве, но получают в нем «определенное место» и поддержку со стороны властных институтов, что представляет собой взаимовыгодное движение друг к другу.

Во-вторых, все более заметной становится тенденция повсеместной религиозной плюрализации. На глобальном уровне ни одна религия не занимает доминирующую позицию. Даже в странах, где в одно время наблюдалась относительная религиозная однородность, процент последователей доминирующей религии снижается. Так, мусульманское население начинает играть существенную роль во всей Европе, Соединенных Штатах Америки, Канаде и других странах.

В-третьих, вместе с духовным возрождением и ростом плюрализма традиционные религии продолжают занимать очень важное место во многих государствах. Зачастую они имеют глубокие корни в обществе и в целом сыграли значительную роль в истории и культуре этих стран, а также в формировании и сохранении национальной идентичности. Как правило, политики удовлетворяют требования религиозных организаций преобладающих конфессий, чтобы заручиться их поддержкой. Но, несмотря на доминирующее положение, они часто чувствуют угрозу сокращения паствы и мотивированы на поиск новых способов укрепления своих позиций в обществе. В результате вопросы религиозных прав часто окрашены политически, а поддержка позиций религиозного меньшинства вызывает негативную реакцию среди последователей традиционных религий. Так, например, в Индии в последние годы наблюдается постоянная напряженность между сторонниками Хиндутва (идеология индуистского культурного национализма) и теми, кто защищает в принципе равенство всех религий.

В-четвертых, в то время как в большинстве стран мира закреплены конституционные гарантии свободы совести и свободы вероисповедания, их реализация неодинакова, а ограничения имеют различные источники. Ими могут быть либо юридические препятствия, т.е. государственные ограничения свободы религии (англ. government restrictions), либо социальная враждебность в отношении той или иной религии (англ. social hostilities involving religion), которая может проявляться как со стороны отдельных лиц, так и организованных групп.

Уровень социальной враждебности в разных странах неодинаков. На него влияют как исторические, культурные, геополитические факторы, уровень социально-экономического развития конкретной страны, так и степень государственных ограничений свободы религии. По данным форума «Пью» по вопросам религии и общественной жизни (англ. Pew Forum on Religion and Public Life) [7], к государствам с самым низким индексом враждебности общества в отношении религии относятся Аргентина, Австралия, Канада, Португалия и т.д.; а наивысший индекс присвоен Индии, Пакистану, Нигерии, Шри-Ланке, Сирии и в том числе России.

Во всем мире люди сталкиваются с растущей угрозой свободе вероисповедания. Ранее наибольшая враждебность к религии проявлялась со стороны светских авторитарных или тоталитарных режимов. Сейчас в этом плане наибольшие опасения вызывает ситуация с правами человека в Северной Корее и Эритрее. Но со временем ситуация стала меняться. Сегодня наибольшее опасение вызывает преследование религиозных меньшинств и инакомыслящих экстремистскими организациями (например, Бoko Харам, «969» и др.). Насилие продолжает проявляться и во многих африканских странах, а также во вполне благополучных европейских государствах. В Великобритании, по данным центра исследования общественного мнения – Opinium Research, один из 20 респондентов стал жертвой насилия на религиозной почве за последний год. А преследования христиан по всему миру Папа Римский Франциск, выступая с речью в боливийском Санта-Крус, назвал формой геноцида и религиозно-этнической чисткой [8]. Международная христианская правозащитная организация «Открытые двери» (англ. «Open Doors») регулярно

публикует рейтинг государств с наивысшим уровнем насилия в отношении христиан [9]. Список тринадцатый год возглавляет Северная Корея.

Рассматривая тенденции ограничений в отношении свободы совести со стороны государства, можно выделить следующие:

1. Ограничение права человека делать выбор в пользу того или иного учения либо сменить ранее выбранную систему убеждений. Так, во многих странах действуют законы, устанавливающие ответственность за вероотступничество (переход из одной религии в другую), вплоть до уголовной (Мавритания, Эфиопия, Судан). В Пакистане вероотступничество карается смертной казнью. А в Малайзии лица, обвиненные и осужденные за это преступление, должны покаяться. Но даже в этом случае их могут приговорить к тюремному заключению на срок до пяти лет, в зависимости от штата. В штатах Келантан и Тренгану в случае отказа покаяться в отступничестве человек может быть приговорен к смертной казни.

Гонениям могут подвергаться и атеисты, особенно там, где они являются меньшинством. Более того, некоторые политики неверно применяют и истолковывают понятия атеизма и гуманизма. Например, Наджиб Разак, премьер-министр Малайзии, говорит о том, что гуманизм и атеизм, а также либерализм – это девиантная угроза исламу и государству [10].

2. Наложение запрета на возможность отправления культа верующими той или иной религии в индивидуальном порядке или сообща с другими, вплоть до запрета религии вообще (например, что имело место согласно Конституции Албании 1976 г.), *либо отдельных вероучений* (например, в Китае и Брунее). Так, в Эритрее с мая 2002 г. незаконным является исповедание любой религии, кроме четырех официально зарегистрированных религиозных групп: Православной церкви Эритреи, ислам суннитского толка, Римско-католической церкви и Лютеранской Церкви Эритреи. Религиозные организации всех прочих религий принудительно закрываются [11. Р. 244–265]. Преследованию в этой стране подвергаются Свидетели Иеговы, пятидесятники и т.д.

Представляется, что к этой же группе ограничений можно отнести и запрет на религиозную идентификацию себя индивидуально или совместно с другими. Например, согласно нормам пакистанского права для Ахмади недопустимо, чтобы они идентифицировали себя как мусульмане. Это наказывается тремя годами тюремного заключения. Ахмади даже не могут назвать их дома поклонения «мечетями», так как этот термин защищен законом для немусульман. В Иране бахаи определяются как незаконный культ, «девиантная секта», которая имеет целью свержение правительства, а потому должна преследоваться.

3. Использование религиозных символов в публичной сфере и религиозные праздники. Публичное использование религиозной символики и атрибутики нередко становится предметом обсуждения и дискуссий. В России весьма сомнительной представляется активизация борьбы с нацизмом во всех его проявлениях, очевидно проявившаяся в свете конфликта с Украиной. Элементы неравноправия прослеживаются и в установлении праздничных нерабочих дней в нашей стране. Согласно ст. 112 Трудового кодекса РФ к ним относится также празднуемое 7 января Рождество Христово – православный

праздник. Праздничные дни других религий в указанной статье не названы. В какой-то мере это компенсировано правом субъектов РФ устанавливать свои праздничные нерабочие дни. Соответственно в Башкирии были установлены выходные дни во время празднования Курбан-байрам и Ураза-байрам. Радо-ница – день, когда в церкви совершается особое поминовение усопших, – объявлена выходным днем в восьми регионах России (в том числе в Краснодарском крае, Брянской, Кемеровской, Оренбургской областях). При этом остается вопрос о том, как быть с теми, кто не исповедует религию, в которой соответствующие дни являются праздничными. Можно воспользоваться опытом Болгарии, где каждый, кто не разделяет соответствующие религиозные убеждения, может взять выходной день в другое время.

Однако и за рубежом вопросы публичного использования религиозных символов и одежды часто обсуждаются, и в разных странах ответы на них далеко не однозначны. Хотя в целом за государствами признается довольно широкая свобода усмотрения в сфере правового регулирования использования религиозных символов в публичной сфере, ведь единообразного общепризнанного подхода до сих пор не выработано. Так, в практике Европейского суда по правам человека (далее – Европейский суд) рассматривались вопросы, например, о наличии религиозных символов в классах государственных школ [12] или о возможности ношения головного платка в образовательных учреждениях [13]. С известной долей условности в качестве другого ограничения свободы совести можно рассматривать введение во Франции и в Бельгии ответственности за ношение одежды, скрывающей лицо, в общественных местах. Это, прежде всего, затронуло права мусульман на выражение их личных и религиозных убеждений. Однако Европейский суд в решении по делу «С.А.С. против Франции» (Application no. 43835/11, 1 July 2014) не нашел нарушения Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. французским Законом № 2010–1192 от 11.10.2010 (в ред. от 22.06.2015), устанавливающим такую ответственность. По мнению суда, запрет был принят не потому, что никаб и паранджа – это религиозная одежда, а исключительно из-за того, что они скрывают лицо. Суд учел точку зрения, что граждане не хотели бы видеть в публичном пространстве демонстрацию обычаев и поведения, которые ставят под сомнение саму возможность открытого общения между людьми, которое, как очевидно, является неотъемлемой частью социальной жизни в обществе. Сейчас законопроекты, устанавливающие подобные ограничения, рассматриваются в Испании, Италии и Нидерландах. С инициативой о законодательном ограничении ношения бурки и паранджи в общественных местах выступила в Германии вице-председатель Христианско-демократического союза Юлия Клёкнер. А в Европейский суд поступила новая жалоба от бельгийских мусульман, считающих, что закон от 01.06.2011, внесший изменения в ст. 563 Уголовного кодекса [14], запрещающий скрывать все лицо под любой одеждой, в том числе и паранджой, нарушает их право на свободу религии (жалоба «Белкасеми и Оуссар против Бельгии» (Belkacemi and Oussar v. Belgium) (no. 37798/13)).

Однако запрет на ношение религиозной одежды можно рассматривать не только как некое ограничение свободы совести, но и как меру защиты самих верующих. Во многом ситуация зависит от настроений в обществе и особен-

ностей социальной среды. Там, где религиозная напряженность достаточно сильна, есть необходимость защищать жизнь и здоровье представителей отдельных религий. Так, во Франции в 2013 г. трое мужчин напали в Витри-сюр-Сен на подростка, который носил традиционную тибетейку (кипу).

Сегодня в России, как в свое время в европейских государствах, стал актуализироваться вопрос о ношении религиозной одежды в общественных местах. Хотя и удивительно, что идея жесткого регулирования этого вопроса возникает в России, в которой в некоторых регионах хиджаб стал почти повсеместным элементом женской одежды [15]. Несомненно, обострение темы ношения религиозной одежды в публичных местах является следствием обеспокоенности со стороны государства и общественности радикальным политическим исламом и усилением напряженности в этнической сфере. Но следует признать, что запреты для девочек носить головной платок в школе не столько покушаются на свободу совести, сколько ведут к отчуждению определенных групп мусульман, что в перспективе является уже и проблемой безопасности. Тем более, когда речь идет о лицах столь юного возраста.

4. Введение ответственности за диффамацию религии. Во многих национальных правовых системах предусмотрена ответственность за оскорбление религиозных чувств верующих, или богохульство (например, в Афганистане, Андорре, Бразилии, Германии, Греции, Дании, Испании, Хорватии, Польше, Португалии и др.). В России также действуют ст. 5.26 Кодекса об административных правонарушениях РФ и ст. 148 Уголовного кодекса РФ, предусматривающие ответственность за нарушение права на свободу совести и вероисповеданий. И хотя в последние годы в мире все чаще ставится под сомнение необходимость и эффективность норм о богохульстве, тем не менее они продолжают действовать. Представители государственной власти утверждают, что такие нормы необходимы для поддержания социальной гармонии между различными религиозными группами. Этот аргумент также использовался в Организации Объединенных Наций с целью запретить богохульство или «диффамацию религии» на международном уровне вплоть до 2011 г., когда Советом по правам человека была принята Резолюция 16/18 «Борьба с нетерпимостью, формированием негативных стереотипных представлений и стигматизацией, дискриминацией, подстрекательством к насилию и насилием в отношении лиц на основе религии и убеждений» [16], которая призывала бороться с оскорбительными высказываниями в адрес религии через диалоги, образование, общественные дебаты, нежели чем криминализировать соответствующие составы. А потому отраднo, что в некоторых странах происходит декриминализация этого деяния. Например, 02.07.2015 г. ирландский Парламент внес соответствующие изменения в Уголовный кодекс страны. А в мае 2015 г. схожий законопроект был внесен в Парламент Норвегии.

5. Ограничения в реализации законно предусмотренных прав верующих. Им могут подвергаться различные правомочия. Например, согласно ст. 18 Конституции Азербайджана 1995 г. в республике религия отделена от государства и все вероисповедания равны перед законом. А ст. 48 закрепляет, что каждый обладает свободой совести и правом свободно выражать и распространять свои убеждения, связанные с отношением к религии. Однако граждане этой страны не в полной мере могут реализовать указанные правомочия.

Так, 17.02.2015 г. Министерство национальной безопасности Азербайджанской Республики возбудило уголовное дело в отношении двух Свидетелей Иеговы – 54-летней пенсионерки Ирины Захарченко и 38-летней Валиды Джабраиловой, которые ходили по домам, обсуждая свою веру и предлагая публикации в городе Пираллахи. Мерой пресечения было выбрано заключение под стражу. Как утверждает следствие, один из жителей якобы подал жалобу на них в районную полицию за распространение незаконной религиозной литературы. Теперь им грозит до пяти лет лишения свободы. Однако «Forum 18» указывает на то, что Государственный комитет по работе с религиозными организациями, осуществляющий государственную цензуру всей религиозной литературы, одобрил импорт данной печатной продукции в августе 2014 г., и ввоз 2000 экземпляров был разрешен. Также суд в городе Сумгаите приговорил верующего-суннита Зохраба Шихкалиева к шести месяцам лишения свободы за оборудование комнаты для молитв в своем доме.

В России к такой категории ограничений можно отнести, например, тот факт, что до принятия Федерального закона РФ от 25.07.2002 № 113-ФЗ (ред. от 25.11.2013) «Об альтернативной гражданской службе» гражданин не мог реализовать гарантированное ч. 3 ст. 59 Конституции РФ право на замену действительной военной службы альтернативной гражданской в случае, если его убеждениям или вероисповеданию противоречит ее несение.

6. Среди прочих *юридических препятствий* в реализации свободы совести и свободы вероисповедания можно рассматривать и те, которые установлены *в отношении создания и деятельности религиозных объединений*. Среди них можно выделить следующие. В ряде стран установлено *неравенство правового статуса религиозных объединений, классификация самих религий, выделение традиционных церквей*. В зарубежном праве можно встретить самые различные примеры ранжирования религиозных объединений и соответствующего различного отношения к последователям отдельных конфессий. Это может быть, например, легальное закрепление преференциального положения отдельных религий и коллективных форм отправления соответствующих культов. Оно может быть как основано на законе (Австрия, Англия, Венгрия, Греция, Дания, мусульманские страны), так и закреплено в двусторонних соглашениях, заключаемых между государством и религиозными организациями (Албания, Испания, Италия).

В России также светский принцип построения государственно-церковных отношений проходит испытание под различными формами влияния «традиционных» религий, стремящихся к завоеванию публичного пространства и расширению воздействия на институты власти. Хотя нормативно государственная религия не установлена, но при этом позиция самого государства и его властных институтов выглядит весьма двусмысленно. Тревожным в этом контексте видится то обстоятельство, что на разных уровнях часто обсуждаются вопросы о необходимости законодательного определения «государственной», или «традиционной», религии и возможной степени проникновения религиозных институтов в общественно-политическую материю. Помимо того, что в самом Федеральном законе РФ от 26.09.1997 № 125-ФЗ (ред. от 28.11.2015) «О свободе совести и о религиозных объединениях» некорректно сформулирована преамбула, где все религиозное разнообразие нашей страны

представляется как иерархия религий и религиозных конфессий с признанием особого вклада «православия в историю России и в формирование и развитие русской духовности и культуры» [17. С. 107; 18], среди ученых и политических деятелей нет единого мнения по этому вопросу и зачастую высказываются полярные позиции. Так, 21.11.2013 г. на заседании Межфракционной депутатской группы в защиту христианских ценностей было поддержано предложение Е.Б. Мизулиной о внесении в преамбулу Конституции 1993 г. пункта о православии как основе национальной и культурной самобытности России [19]. В своем ежегодном Послании в 2014 г. Президент РФ В.В. Путин подчеркнул, что именно христианство явилось той мощной духовной объединяющей силой, которая позволила включить в формирование единой русской нации и образование общей государственности самые разные по крови племена и племенные союзы всего обширного восточнославянского мира [20].

Однако стоит согласиться с мнением Н.В. Витрука, который отмечает, что вряд ли можно говорить как о положительном факте о высоком, все нарастающем уровне интеграции Русской православной церкви (Московского патриархата) в жизнь государства, о необходимости придания ей особого правового статуса на основе соглашения с РФ, так как это противоречит конституционным нормам, не учитывает многоконфессиональность общества, интересы атеистов [21. С. 413–414]. С другой стороны, государство, предоставляя статус «официального» религиозному объединению, тем самым ограничивает его свободу. У власти появляется возможность влиять на внутреннее устройство церкви, принимать участие в назначении и освобождении клира от занимаемых постов, с помощью финансовых рычагов оказывать давление и направлять руководство и политику церкви, тем самым контролировать деятельность и вероучение объединения. Подобная ситуация сегодня наблюдается в Великобритании, Греции, Швеции, Норвегии, Дании и пр. В этом случае утрачивается независимость церкви и искажается ее миссия [22. Р. 4–8; 23. Р. 643–670].

В качестве еще одного юридического препятствия в реализации свободы совести и свободы вероисповедания можно рассматривать *насилие в отношении священнослужителей и представителей отдельных религий, разрушение религиозных объектов, преследование выражения религиозных чувств верующих*. По оценкам Всемирного индекса преследований (англ. the World Watch List), список которого Северная Корея возглавляет вот уже тринадцатый год подряд, примерно от 50 000 до 70 000 христиан в этой стране находятся в трудовых лагерях [24]. Зачастую людей обвиняют в шпионаже, государственной измене. Так, например, по этому обвинению был арестован и в июне 2015 г. приговорен к пожизненному лишению свободы шестидесятидвухлетний пастор пресвитерианской общины из Южной Кореи Ким Кук-ги (англ. Kim Kuk Gi).

Следующим юридическим препятствием может выступать *неправомерное применение антиэкстремистского законодательства, снижение эффективности религиозной пропаганды и борьбы с религиозным экстремизмом*.

В последнее время в России борьба с экстремизмом приобретает весьма широкие масштабы и зачастую носит неправомерный характер. Сначала ре-

лигиозные тексты признаются содержащими экстремистские положения, а впоследствии члены организаций подвергаются преследованиям. Так, часто нарушаются права сайентологов, иеговистов и мусульман. Яркий пример – это преследование Свидетелей Иеговы. Их свобода выражения мнения и право на объединение постоянно подвергаются всевозможным ограничениям, а отдельные члены этой организации – мерам репрессивного характера. Верующие испытывают на себе давление со стороны властей по нескольким направлениям. Во-первых, это запрет на импорт религиозной литературы. Например, 14.07.2015 г. должностные лица таможенных органов России пошли на беспрецедентный шаг и заблокировали ввоз на территорию России двух партий Библий в переводе Свидетелей Иеговы (так называемый Перевод Нового Мира), опубликованных на русском и осетинском (включен ЮНЕСКО в список исчезающих языков) языках. А в августе 2015 г. сотрудники таможни задержали на российской границе крупную партию литературы Свидетелей Иеговы, в судебном порядке признанную не содержащей признаков экстремизма. Ими стали около 1 миллиона брошюр «Кто такой Иегова?», «Свидетели Иеговы и образование», «Когда умер близкий тебе человек», «Библия и ее главная тема», «Как найти удовлетворение в жизни». Во время проведения таможенного досмотра ни одна из них не была признана экстремистской. Впоследствии был подан в суд соответствующий иск. В прокуратуре заявили, что экспертиза установила наличие признаков экстремизма, а именно оправдание отказа граждан от исполнения ими своих гражданских обязанностей и поощрение враждебного отношения к людям, исповедующим другие религии. С марта 2015 г. российские власти блокируют поставки религиозных публикаций этой организации, хотя ни одна из предназначенных для импорта публикаций не запрещена в России. Такие действия в отношении импортируемой литературы наряду с недавним запретом их официального сайта (www.jw.org) – весьма тревожная тенденция ограничения свободы вероисповедания, слова и печати в России. Россия является единственной страной, которая рассматривает как экстремистские некоторые брошюры Свидетелей Иеговы, которые распространяются по всему миру без каких-либо проблем и ограничений. Это религиозное движение хорошо известно своими выступлениями против войны и насилия. Так, Свидетели Иеговы против прохождения действительной военной службы, так как отказываются брать в руки оружие.

В этом свете вызывает опасения российский Федеральный закон РФ от 28.12.2012 № 272-ФЗ (ред. от 23.05.2015) «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации», предусматривающий возможность признания иностранной и международной организации «нежелательной» с включением ее в соответствующий список, который публикуется Министерством юстиции РФ. Сейчас в нем три организации, включенные в перечень в 2015 г. Организация может быть признана «нежелательной», если она представляет угрозу основам конституционного строя Российской Федерации, обороноспособности страны или безопасности государства. Те, кто работает в этих запрещенных организациях, могут быть оштрафованы или приговорены к лишению свободы на срок до шести лет. Закон также распространяется

на российские структуры, получающие финансирование или осуществляющие сотрудничество с такими зарубежными группами.

В ходе реализации государственной конфессиональной политики нередко наблюдается и *вмешательство во внутреннюю автономию религиозных объединений*. Например, в Таджикистане рекомендуемый текст пятничных проповедей для мечетей направляется Советом улемов с согласия Комитета Правительства по делам религии. В России также можно встретить соответствующие случаи. Например, в Республике Татарстан был принят закон от 04.08.2012 № 64-ЗРТ, который в ст. 1 обязывает религиозные организации обеспечивать «каноническое единство вероучения, указанного в уставе религиозной организации». Этот же закон делает обязательным для священнослужителей иметь именно российское религиозное образование, что является грубым вмешательством во внутренние дела религиозных организаций, да и просто невозможно для целого ряда из них. Отрадно, что аналогичный законопроект [25] в Государственной Думе РФ был отклонен.

На практике весьма многочисленны юридические *препятствия в отношении создания религиозных объединений*, в том числе их регистрации в качестве юридического лица. В этом плане весьма сомнительным шагом выглядит принятие Федерального закона РФ от 13.07.2015 № 261-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» и признании утратившими силу положений отдельных законодательных актов Российской Федерации» и введение им «двухуровневой системы» (англ. two-tier system) организационно-правовых форм деятельности религиозных организаций по аналогии с той, что действует в Австрии, Венгрии, Литве, Румынии и т.д. При реализации этой системы законодательно выделяется «б а з о в ы й у р о в е н ь» (англ. base level entities), в рамках которого предусмотрены организационные формы, которые могут быть использованы любой религиозной общиной, и «в е р х н и й у р о в е н ь» (англ. upper tier entities), который достижим при определенных условиях. Обычно это государственная церковь или организация ведущей конфессии. Базовой формой зачастую является некоммерческая организация (ассоциация), но иногда могут предусматриваться и специальные формы религиозных общин. Вновь создаваемые религиозные общества базового уровня приобретают правомочия юридического лица, необходимые для осуществления своей деятельности [26. Р. 3–14]. Если исходить из норм российского закона, то самый узкий правовой статус закрепляется за религиозными группами, более широкий – за частью местных религиозных организаций, и самый полный спектр прав закреплен за централизованными религиозными организациями. Дело в том, что ч. 3 ст. 27 Федерального закона РФ от 26.09.1997 № 125-ФЗ (ред. от 28.11.2015) «О свободе совести и о религиозных объединениях» оговаривает ряд ограничений в правах тех местных религиозных организаций, которые не входят в структуру централизованной религиозной организации того же вероисповедания. Это, в частности, касается права проводить религиозные обряды в лечебно-профилактических и больничных учреждениях, детских домах, домах-интернатах для престарелых и инвалидов, в учреждениях, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы, по просьбам находящихся в них граждан в помещениях, специально выделяемых администраци-

ей для этих целей (ч. 3 ст. 1 указанного закона); права создавать культурно-просветительские, образовательные и другие организации, а также учреждать средства массовой информации (ч. 2 ст. 18 указанного закона) и некоторых других. Однако возможность реализации данных прав необходима для осуществления нормальной деятельности любой коллективной формы отправления культа.

Таким образом, можно отметить, что в последние годы религия стала занимать все более значимое место в общественной жизни. Это ставит публичную власть каждого государства в ситуацию, когда она должна определять свою позицию по отношению к ней и в целом духовной жизни своих граждан. Поэтому постоянно проводится корректировка текущего законодательства и правоприменительной практики в области реализации свободы совести и свободы вероисповедания.

В то время как некоторые государства продолжают поддерживать определенную религиозную ориентацию, большинство стран реализует тот или иной тип светской системы. Однако среди последних возможный диапазон проводимой политики весьма широк – от режимов с очень высокой степенью приверженности светским идеалам и принципам до более гибких режимов, которые при сохранении государственного нейтралитета допускают различные формы сотрудничества с религиозными институтами. При этом выстраиваемый тип государственно-конфессиональных отношений имеет значительные последствия для реализации международных и конституционных норм, защищающих свободу религии или убеждений, а также для поддержания межрелигиозной стабильности в обществе, сосуществования различных религиозных общин и убеждений. Поэтому важно проводить сравнительно-правовые исследования моделей светских государств, чтобы понять природу плюрализма, роль религии в современном обществе, взаимосвязь между религией и демократией и в более общем плане фундаментальные вопросы о взаимоотношениях религии и государства.

Литература

1. Berg T. Faith, and the First Amendment: The Guarantee of Religious Liberty // The Heritage Foundation: First Principles. 2012. № 15.
2. Kuru A.T. Secularism and State Policies toward Religion: The United States, France, and Turkey. New York : Cambridge University Press, 2009.
3. *Religious Freedom in America: Constitutional Roots and Contemporary Challenges* / Allen D. Hertzke, ed. Oklahoma, University of Oklahoma Press, 2015.
4. Casanova J. Public Religions in the Modern World. Chicago: University of Chicago Press, 1994. 330 p.
5. Хабермас Ю. Постсекулярное общество – что это? // Российская философская газета. 2008. № 4 (18).
6. Durham W. Cole, Jr. Religious Freedom in a Worldwide Setting: Comparative Reflections [Electronic resource] // International Center for Law and Religion Studies. URL: <http://www.iclrs.org/content/blurb/files/Religious%20Freedom%20in%20a%20Worldwide%20Setting.pdf> (date of view: 20.03.2016).
7. Latest Trends in Religious Restrictions and Hostilities [Electronic resource] // Pew Forum on Religion and Public Life. URL: http://www.pewforum.org/files/2015/02/Restrictions2015_fullReport.pdf (date of view: 20.03.2016).
8. Viaggio Apostolico del Santo Padre Francesco in Ecuador, Bolivia e Paraguay (5-13 luglio 2015). Partecipazione al II incontro mondiale dei movimenti popolari. Discorso del Santo Padre.

Centro fieristico Expo Feria, Santa Cruz de la Sierra (Bolivia). Giovedì, 9 luglio 2015 [Electronic resource] // LA SANTA SEDE. URL: http://w2.vatican.va/content/francesco/it/speeches/2015/july/documents/papa-francesco_20150709_bolivia-movimenti-popolari.html (date of view: 20.03.2016).

9. *World Watch List: Country Profiles* [Electronic resource] // Open Doors. URL: <https://www.opendoors.org.au/persecutedchristians/countryprofiles/> (date of view: 20.03.2016).

10. *Freedom of Thought 2014: A Global Report on the Rights, Legal Status, and Discrimination Against Humanists, Atheists, and the Non-religious* was created by the IHEU [Electronic resource] // European Humanist Federation. URL: <http://humanistfederation.eu/ckfinder/userfiles/files/NEWS-FHE/2014/FOT2014%20Full%20v2.pdf> (date of view: 20.03.2016).

11. *Mekonnen R.D., Kidane S.* The troubled relationship of state and religion in Eritrea // *AFRICAN HUMAN RIGHTS LAW JOURNAL*. 2014. № 1.

12. *Ляйтси и другие против Италии* (Application no. 30814/06, Lautsi and Others v. Italy (Grand Chamber), Judgment of 18 March 2011) [Electronic resource] // European Court of Human Rights. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/> (date of view: 20.03.2016).

13. *Шахин против Турции* (Application no. 44774/98, Leyla Şahin v. Turkey, Judgment of 10 November 2005), *Дахлаб против Швейцарии* (Application no. 42393/98, Dahlab v. Switzerland, Judgment of 15 February 2001) [Electronic resource] // European Court of Human Rights. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/> (date of view: 20.03.2016).

14. *Loi visant a interdire le port de tout vtement cachant totalement ou de maniere principale le visage* 01.06.2011 [Ressource Électronique] // Website Service Public Fédéral Justice. URL: http://www.ejustice.just.fgov.be/cgi_loi/change_lg.pl?language=fr&la=F&table_name=loi&cn=2011060108 (date de la demande: 20.03.2016).

15. *Определение Верховного Суда Российской Федерации от 10.07.2013 № 9-АПГ13-2* [Электронный ресурс] // Сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: <http://www.vsrfr.ru/indexA.php?i1p1=1&i1text=&iDateB=10.07.2013&iDateE=&iDoc=0&iPhase=0&iSpeaker=0&iFrash=0&search.x=41&search.y=12> (дата обращения: 20.03.2016).

16. *Борьба с нетерпимостью, формированием негативных стереотипных представлений и стигматизацией, дискриминацией, подстрекательством к насилию и насилием в отношении лиц на основе религии и убеждений: резолюция, принятая Советом по правам человека A/HRC/RES/16/18* [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/G11/127/29/PDF/G1112729.pdf?OpenElement> (дата обращения: 20.03.2016).

17. *Со А.А.* Конституционно-правовые основы свободы вероисповедания и деятельности религиозных объединений в России (на примере субъектов Российской Федерации Северо-Западного федерального округа): дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2010.

18. *О проверке соответствия Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» международно-правовым обязательствам Российской Федерации»: заключение Уполномоченного по правам человека в РФ // Российская газета. 22.04.1999. № 77.*

19. *Состоялось заседание Межфракционной депутатской группы Государственной Думы в защиту христианских ценностей* [Электронный ресурс] // Государственная Дума Федерального Собрания РФ. URL: http://www.duma.gov.ru/news/273/479687/?sphrase_id=1122085 (дата обращения: 20.03.2016).

20. *Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 04.12.2014* // Российская газета. 05.12.2014. № 278.

21. *Вутрук Н.В.* Общая теория правового положения личности. М., 2008.

22. *Barker C.R.* Church and State Relationships in German «Public Benefit» Law // *The International Journal of Not-for-Profit Law*. 2000. № 2.

23. *Robbers G.* Religious Freedom in Germany // *BYU Law Review*. 2001. № 2.

24. *Open Doors.* Serving persecuted Christians worldwide [Electronic resource] // Open Doors. URL: <http://www.opendoorsusa.org/christian-persecution/world-watch-list/> (date of view 20.03.2016).

25. *О внесении изменений в статьи 15 и 24 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях»: законопроект № 154174-6* [Электронный ресурс] // Официальный сайт Государственной Думы РФ. URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=154174-6&02> (дата обращения: 20.03.2016).

26. *Durham W.C.* Legal status of religious organization: a comparative overview // *The Review of faith & international affairs*. 2010. № 2.

Isaeva Anastasia A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)

RESTRICTION OF FREEDOM OF CONSCIENCE: FOREIGN TENDENCIES AND RUSSIAN REALITIES

Key words: freedom of conscience, secular state, religious organizations, confessional politics, state restrictions.

All possible configurations of mutual relationship between public authority and religious structures can be examined from the viewpoint of their amalgamation and state support of religion (e.g. theocratic and clerical countries) from the position of state neutrality to a negative identification of religion by the state (e.g. in case of persecution of believers or prohibition of religion). Various provisions of this spectrum can be considered ideal models which in practice of state construction and in definite historical situations can to some degree diverge from the theoretical concept. Despite the variety of forms of state confessional relations in different countries we can outline a number of global patterns in the development of the system "man-state-church".

When considering the restriction tendencies connected with freedom of conscience on the part of state we can point out the following:

1. Restriction of the right to make one's choice in favor of any given doctrine or to change the belief system chosen earlier. Thus, many countries have the laws (even criminal ones) providing for liability or even criminal punishment for apostasy (conversion from one religion into another one) e.g. Mauritania, Ethiopia and Sudan.

2. Prohibition of the possibility to perform the acts of worship in any religion individually or together with other people or the prohibition of religion in general (e.g. the Constitution of Albania 1976) or separate religious doctrines (in China and Brunei).

3. The use of religious symbols in public life and religious holidays. Public use of religious symbols and attributes is often a matter of discussions

4. Introduction of liability for the defamation of religion. Many national legal systems provide for liability for the insult of religious feelings of believers and blasphemy (e.g. in Afghanistan, Andorra, Brazil, Germany, Greece, Denmark, Spain, Croatia, Poland, Portugal etc.). In Russia Article 5.26 of the Administrative Violations Code of the Russian Federation and Article 148 of the Criminal Code of the Russian Federation provide for liability for the violation of right to freedom of conscience and religion.

5. Restrictions of the realization of believers' legal rights e.g. the right to active alternative civil service or peaceful distribution of religious views and missionary activity.

Thus, we can state that over the last years religion has had an increasingly significant place in public life. This makes the public authority of each state determine its position both to religion itself and to the spiritual life of its citizens in general. Therefore, current legislation and law enforcement practice need corrections in the sphere of freedom of conscience and religion.

References

1. Berg, T. (2012) Faith, and the First Amendment: The Guarantee of Religious Liberty. *The Heritage Foundation: First Principles*. 15.
2. Kuru, A.T. (2009) *Secularism and State Policies toward Religion: The United States, France, and Turkey*. New York: Cambridge University Press.
3. Hertzke, A.D. (2015) *Religious Freedom in America: Constitutional Roots and Contemporary Challenges*. Oklahoma: University of Oklahoma Press.
4. Casanova, J. (1994) *Public Religions in the Modern World*. Chicago: University of Chicago Press.
5. Khaibermas, Yu. (2008) Postsekulyarnoe obshchestvo – chto eto? [The post-secular society – what is it?]. *Rossiyskaya filosofskaya gazeta*. 4(18).
6. Durham, W.C. (n.d.) *Religious Freedom in a Worldwide Setting: Comparative Reflections*. [Online] Available from: <http://www.iclrs.org/content/blurb/files/Religious%20Freedom%20in%20a%20Worldwide%20Setting.pdf>. (Accessed: 20th March 2016).
7. Pewforum.org. (2015) *Latest Trends in Religious Restrictions and Hostilities*. [Online] Available from: http://www.pewforum.org/files/2015/02/Restrictions2015_fullReport.pdf. (Accessed: 20th March 2016).
8. Vatican. (2015) *Viaggio Apostolico del Santo Padre Francesco in Ecuador, Bolivia e Paraguay (5-13 luglio 2015). Partecipazione al II incontro mondiale dei movimenti popolari. Discorso del Santo Padre. Centro fieristico Expo Feria, Santa Cruz de la Sierra (Bolivia). Giovedì, 9 luglio 2015* [Apostolic Journey of the Holy Father Francis in Ecuador, Bolivia and Paraguay (5 to 13 July 2015). Participation in the 2nd World Meeting of popular movements of the Holy Father. Exhibition center Expo Feria, Santa Cruz de la Sierra (Bolivia). Thursday, July 9, 2015]. [Online] Available form:

http://w2.vatican.va/content/francesco/it/speeches/2015/july/documents/papa-francesco_20150709_bolivia-movimenti-popolari.html. (Accessed: 20th March 2016).

9. Open Doors. (n.d.) *World Watch List: Country Profiles*. [Online] Available from: <https://www.opendoors.org.au/persecutedchristians/countryprofiles/>. (Accessed: 20th March 2016).

10. European Humanist Federation. (2014) *Freedom of Thought 2014: A Global Report on the Rights, Legal Status, and Discrimination Against Humanists, Atheists, and the Non-religious was created by the IHEU*. [Online] Available from: <http://humanistfederation.eu/ckfinder/userfiles/files/NEWS-FHE/2014/FOT2014%20Full%20v2.pdf>. (Accessed: 20th March 2016).

11. Mekonnen, R.D. & Kidane, S. (2014) The troubled relationship of state and religion in Eritrea. *African Human Rights Law Journal*. 1.

12. ECHR. (2011) *Application no. 30814/06, Lautsi and Others v. Italy (Grand Chamber), Judgment of 18 March 2011*. [Online] Available from: <http://hudoc.echr.coe.int/>. (Accessed: 20th March 2016).

13. ECHR. (2015) *Application no. 44774/98, Leyla Şahin v. Turkey, Judgment of 10 November 2005*. [Online] Available from: <http://hudoc.echr.coe.int/>. (Accessed: 20th March 2016).

14. Federal Justice Service Website. (2011) *Loi visant a interdire le port de tout vtement cachant totalement ou de maniere principale le visage 01.06.2011*. [Online] Available from: http://www.ejustice.just.fgov.be/cgi_loi/change_lg.pl?language=fr&la=F&table_name=loi&cn=2011060108. (Accessed: 20th March 2016). (In Italian).

15. The Supreme Court of the Russian Federation. (2013) *Resolution 9 APG13-2 of the Supreme Court of October 7, 2013*. [Online] Available from: <http://www.vsrfr.ru/indexA.php?i1p1=1&i1text=&number=&iDateB=10.07.2013&iDateE=&iDoc=0&iPhase=0&iSpeaker=0&Frash=0&search.x=41&search.y=12>. (Accessed: 20th March 2016).

16. UNO. (n.d.) *Bor'ba s neterpimost'yu, formirovaniem negativnykh stereotipnykh predstavleniy i stigmatizatsiy, diskriminatsiy, podstrekatel'stvom k nasiliyu i nasiliem v otnoshenii lits na osnove religii i ubezhdeniy: rezolyutsiya, prinyataya Sovetom po pravam cheloveka A/HRC/RES/16/18* [Combating intolerance, negative stereotyping, stigmatization, discrimination, incitement to violence and violence against persons based on religion or belief: The resolution adopted by the Human Rights Council A / HRC / RES / 16/18]. [Online] Available from: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/G11/127/29/PDF/G1112729.pdf?OpenElement>. (Accessed: 20th March 2016).

17. So, A.A. (2010) *Konstitutsionno-pravovye osnovy svobody veroispovedaniya i deyatel'nosti religioznykh ob'edineniy v Rossii (na primere sub'ektov Rossiyskoy Federatsii Severo-Zapadnogo federal'nogo okruga)* [Constitutional and legal foundations of freedom of religion and activity of religious associations in Russia (a case study of the Russian Federation in the North-West Federal District)]. Law Cand diss. St. Petersburg.

18. *Rossiyskaya gazeta*. (1999) O proverke sootvetstviya Federal'nogo zakona "O svobode sovesti i o religioznykh ob'edineniyakh" mezhdunarodno-pravovym obyazatel'stvam Rossiyskoy Federatsii: zaklyuchenie Upolnomochennogo po pravam cheloveka v RF [Verification of compliance of the Federal Law "On Freedom of Conscience and Religious Associations" with international legal obligations of the Russian Federation: The resolution of the Human Rights Commissioner in the Russian Federation]. 22nd April.

19. The State Duma of the Russian Federation. (2013) *Sostoyalos' zasedanie Mezhfaktsionnoy deputatskoy gruppy Gosudarstvennoy Dumy v zashchitu khristianskikh tsennostey* [The meeting of the Interfactional Parliamentary group of the State Duma supported Christian values]. [Online] Available from: http://www.duma.gov.ru/news/273/479687/?sphrase_id=1122085. (Accessed: 20th March 2016).

20. *Rossiyskaya gazeta*. (2014) *Poslanie Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniyu ot 04.12.2014* [Address by the President to the Federal Assembly on December 4, 2014]. 5th December.

21. Vitruk, N.V. (2008) *Obshchaya teoriya pravovogo polozheniya lichnosti* [The general theory of the legal status of the individual]. Moscow: Norma.

22. Barker, C.R. (2000) Church and State Relationships in German "Public Benefit" Law. *The International Journal of Not-for-Profit Law*. 2.

23. Robbers, G. (2001) Religious Freedom in Germany. *BYU Law Review*. 2.

24. Open Doors. (n.d.) *Serving persecuted Christians worldwide*. [Online] Available from: <http://www.opendoorsusa.org/christian-persecution/world-watch-list/>. (Accessed: 20th March 2016).

25. The State Duma of the Russian Federation. (n.d.) *On Amendments to Article 15 and 24 of the Federal Law "On Freedom of Conscience and Religious Associations": Bill № 154174-6*. [Online] Available from: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=154174-6&02>. (Accessed: 20th March 2016).

26. Durham, W.C. (2010) Legal status of religious organization: a comparative overview. *The Review of Faith & International Affairs*. 2.